

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОНТОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ АНАЛИЗЕ

Руслан Геннадьевич Браславский (r.braslavsky@socinst.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Браславский Р.Г. (2025) Преобразование социальной онтологии в современном цивилизационном анализе. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 28(4): 18–37. <https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.2> EDN: JBAIOZ

Аннотация. Реконструируется соотношение двух конкурирующих в полидисциплинарной области цивилизационного анализа исследовательских традиций: метаисторической и социологической. В каждой из них выделяются группы теорий, опирающиеся как на унитарную, так и на плюралистическую концепцию цивилизации. В середине XX в. кристаллизовалась и заняла доминирующее положение метаисторическая парадигма цивилизационного анализа, больше известная под именем теории локальных цивилизаций. Концептуальные ограничения метаисторической парадигмы воспрепятствовали полноценной институционализации исследовательской области сравнительного изучения цивилизаций в самостоятельную научную дисциплину. Цивилизационный поворот в социологии в 1970-е годы привел к разрыву с метаисторической цивилизационной парадигмой на уровне фундаментальных метатеоретических предпосылок. В отличие от традиционного субстантивистского взгляда на локальные цивилизации как эмпирически предзаданные объекты исследования, современная социологическая парадигма цивилизационного анализа основывает социальную онтологию на парадоксальном сочетании принципов аналитической автономии и взаимного конституирования в соотношении фундаментальных категорий, общих измерений и особых сфер социальной жизни. В результате метатеоретического анализа цивилизационного подхода в социологии построена тринитарная концептуальная схема социальной онтологии и выявлены ее логические несоответствия. Для их преодоления разработана новая четырехкатегориальная концептуальная схема социальной онтологии. Осуществленная на рубеже XX–XXI вв. в социологической версии цивилизационного анализа концептуализация культуры и власти как сопротивленных и взаимоположенных друг другу онтологических категорий заложила основу не только для консолидации цивилизационного анализа за рамками противопоставления унитарной и плюралистической концепций цивилизации, но и для переориентации социологической теории по ту сторону всех видов функционализма, редукционизма и детерминизма.

Ключевые слова: цивилизационный анализ, социологическая теория, социальная онтология, аналитическая автономия, взаимное конституирование, культура, власть, богатство, право.

Одна из фундаментальных теоретических проблем современных социальных наук заключается в недостаточности широко используемых концептуальных средств культурно-детерминистского метаисторического цивилизационного подхода и ортодоксального структурно-институционального социологического анализа. Разрабатываемые с их помощью редукционистские теоретические модели не соответствуют неоднородной и противоречивой цивилизационной конфигурации современных обществ. Альтернативный подход основан на переопределении культурно-институциональной взаимосвязи за рамками любых версий редукционизма и одностороннего детерминизма. Он представлен формирующейся социологической парадигмой цивилизационного анализа и генетически связанной с ней теорией множественных модерностей.

В статье реконструируется логика перехода цивилизационной теории в современной социологии от аналитической концепции цивилизационного измерения социальной жизни к всеохватывающей социальной онтологии.

От субстантивистской к аналитической концепции цивилизаций

В полидисциплинарной области цивилизационного анализа сложились две конкурирующие исследовательские традиции: метаисторическая и социологическая (Arnason 2001a). В каждой из них выделяются группы теорий, опирающиеся как на унитарную, так и на плюралистическую концепцию цивилизации (табл. 1). В метаисторической традиции проблематика, связанная с понятием цивилизации в единственном числе, приобрела антропологическое направление, в котором на первый план вышло изучение первобытных обществ с «примитивной» культурой и их перехода к сложноорганизованным обществам, обладающим городами, государством, письменностью и другими признаками «цивилизации». Социологическое направление сосредоточилось на объяснении исторически гораздо более поздних процессов возникновения и развития обществ модерного типа. При этом в рамках каждой из двух вышеназванных традиций создавались всеохватывающие схемы человеческой истории «от истоков до наших дней». Если в антропологии стадиальное понятие цивилизации еще сохраняет самостоятельное научное значение, то в концептуальном аппарате современной социологии закрепилась идущая от Н. Элиаса процессная концепция цивилизации. Первоначально разрабатываемая в рамках унитарного подхода теория процесса цивилизации впоследствии оказалась открытой множественным контекстам человеческой истории. В настоящее время плюралистический подход считается наилучшим, если не единственным возможным способом отстоять циви-

лизационный анализ как особую и предпочтительную парадигму в социальных науках (Arnason 2001b: 390). При этом формирующаяся в исторической социологии на основе плюралистического подхода цивилизационная парадигма не сбрасывает, а переосмысливает проблематику, связанную с понятием цивилизации в единственном числе. Характеризуя современное состояние поля цивилизационного анализа, можно сказать, что традиционная оппозиция унитарной и плюралистической концепций цивилизации уступила место принципиальному различию между метаисторической и социологической версиями плюралистического подхода.

Таблица 1

Две традиции цивилизационного анализа в социальных науках

Концепция цивилизации	Традиция цивилизационного анализа	
	Метаисторическая	Социологическая
Унитарная	Теория происхождения цивилизации	Теория процесса цивилизации
Плюралистическая	Теория локальных цивилизаций	Теория цивилизационных паттернов

Метаисторическая парадигма цивилизационного анализа, больше известная под именем теории локальных цивилизаций, кристаллизовалась и заняла доминирующее положение в 1950–1960-е годы. Заложенная образцами работами Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, она разрабатывалась главным образом историками, антропологами, культурологами (Ф. Конечный, А. Кребер, Р. Кулборн, К. Куигли, Ф. Бэгби, О. Андерле, Ф. Боркенау и др.), в 1990-е годы была популяризована С. Хантингтоном благодаря его описанию геополитической ситуации после окончания холодной войны как «столкновения цивилизаций» и ныне переживает возрождение в виде ставшей идеологемой концепции «государства-цивилизации». Концептуальный каркас метаисторической парадигмы составляет идеальный тип цивилизаций как наиболее широко-масштабных и долговременных, самобытных, когерентных, гомогенных, эндогенных социокультурных образований, которые развиваются циклически, проходя фазы подъема, расцвета и упадка.

Под определяющим влиянием метаисторической парадигмы сформировалось стереотипное представление о поле цивилизационных исследований в целом. Другие версии цивилизационного подхода игнорировались или подгонялись под идеализированный образ локальной цивилизации либо воспринимались как вариация или отклонение от заданного образца,

а не как нечто принципиально отличное от него. Показательным примером может служить теория культурных суперсистем П.А. Сорокина. В середине 1960-х годов он дал систематическую критику «тоталитаристских» (холистических) теорий цивилизаций, попутно выступив против причисления его к школе «идеалистических организаторов» наряду с О. Шпенглером и А. Тойнби (Sorokin 1966: 158–240, 220). Но и после этого его продолжали рассматривать в одном логически преемственном ряду с ними (см., например: Мелко 2001 [1995]: 308). Правда, принимая во внимание приверженность российско-американского социолога идеям культурного детерминизма и системной интеграции в понимании цивилизационных формаций, его включение в более широкую, чем «организмическое» направление, метаисторическую традицию цивилизационного анализа не является вовсе безосновательным. Точно так же в нее могут быть включены и другие социологи, которые придерживаются «идентитаристской» трактовки цивилизаций (например, М. Мелко, В. Каволис).

На середину XX в. приходится период полноценного установления в социальных науках институционального режима научных дисциплин. В сложившейся дисциплинарной конфигурации социальных наук теория цивилизаций оказалась втиснутой главным образом в рамки востоковедения. Последнее, сосредоточенное на всеохватывающем изучении высоких культур Востока, располагалось между антропологией, описывавшей так называемые примитивные культуры, с одной стороны, и относящейся к изучению западного мира историей как идиографической наукой о прошлом и социологией, экономикой и политологией как комплексом номотетических наук о модерном настоящем — с другой (Валлерстайн 2003: 294–295). Тем не менее сравнительное изучение цивилизаций так и не оформилось в самостоятельную научную дисциплину. По своему пространственно-временному охвату цивилизационный подход изначально выламывался за рамки востоковедения. Ни основоположники, ни большинство последователей метаисторической традиции, не говоря уже о представителях социологической версии цивилизационного анализа, не фокусировались исключительно на незападных цивилизационных формациях.

«Дисциплинарное» ограничение цивилизационного подхода хронотопом востоковедения было во многом следствием неспособности метаисторической теории локальных цивилизаций справиться с концептуальным вызовом модерности как «новой цивилизации» (Ш. Эйзенштадт), не выходя при этом за рамки плюралистического видения человеческой истории или не оставаясь вариацией antimodernistского дискурса на тему кризиса культуры. Доминирующие в это время универсалистские

представления о состоянии модернности опирались на унитарную концепцию цивилизации и эволюционистское видение человеческой истории, что и обусловило вытеснение теории цивилизаций в домодернное прошлое и на считавшийся традиционным Восток в противоположность, по выражению Н. Элиаса, «отступлению социологов в настоящее» (Elias 1987: 223). Согласно дисциплинарной логике академического разделения труда, социологи изучали «модерные общества» Запада, а ориенталисты — «традиционные цивилизации» Востока (Валлерстайн 2003: 295). Однако строгость дисциплинарных границ, проведенных на географической карте, не соответствовала реальным процессам трансформации послевоенного глобального мира. Об этом свидетельствовало возникновение уже в 1950-е годы теории модернизации и практическое осуществление сформулированной еще в середине 1940-х годов в США идеи регионаведения (area studies), которая «была задумана как соединение социальных наук и изучения незападных цивилизаций» (Arjomand 2010: 366). В этом контексте сравнительное изучение цивилизаций приобрело скорее статус междисциплинарного исследовательского поля на стыке востоковедения, истории, антропологии, социологии — наук, тяготеющих к всеохватывающему постижению социальной жизни.

Незавершенности процесса «дисциплинаризации» цивилизационной компаративистики способствовали как недостаточная разработанность концептуальных оснований цивилизационного подхода, так и не столь явная институционализация в социальной реальности таких объектов изучения, как «локальные цивилизации», особенно по сравнению с феноменом нации-государства, выступавшего главным эмпирическим референтом ключевого социологического понятия «общество». Оба эти обстоятельства нашли отражение в неоконченных спорах о критериях классификации и количестве цивилизаций в мировой истории. Хотя относительно выделения основных цивилизационных комплексов определенный консенсус сложился, сама неспособность сторонников цивилизационного подхода прийти к общему пониманию оснований типологии цивилизаций обнаружила глубокие концептуальные проблемы данного подхода, которые воспрепятствовали его широкому признанию и институционализации в академической среде. Для метаисторической парадигмы с заложенным в ней субстантивистским видением социальной реальности, в соответствии с которым цивилизации определяются как эмпирически предзаданные объекты исследования, классификационная проблема имела решающее значение, поскольку без ее удовлетворительного решения цивилизационный подход терял *raison d'être* — сам объект своего изучения.

Альтернативная метаисторической социологическая традиция цивилизационного анализа представляет собой только формирующуюся парадигму. По сравнению с конкурирующей версией она оказалась внутренне более разделенной, а ее историческая траектория более прерывистой. Взаимная изолированность ключевых немецкого и французского источников цивилизационного проекта в классической социологии начала XX в. в лице М. Вебера и Э. Дюркгейма с М. Моссом сменилась разрывом исторической преемственности в 1940–1960-е годы, когда вакантное место заняла метаисторическая теория цивилизаций. Наконец, возрождение цивилизационного анализа в социологии в последней четверти прошлого столетия происходило в двух параллельных направлениях: теории процесса цивилизации, заложенной Н. Элиасом в конце 1930-х годов, и теории цивилизационных паттернов, заново открытой Б. Нельсоном и Ш. Эйзенштадтом. Только в начале текущего столетия удалось заложить концептуальную основу широкой консолидации всего поля цивилизационного анализа, во многом благодаря усилиям прежде всего Й. Арнасона. В современной социологии Н. Элиас, Ш. Эйзенштадт и Й. Арнасон образуют второй триумвират ведущих представителей цивилизационного подхода после М. Вебера, Э. Дюркгейма и М. Мосса в социологии классического периода.

Цивилизационный поворот в социологии в 1970-е годы привел к разрыву с метаисторической цивилизационной парадигмой на уровне фундаментальных метатеоретических предпосылок, определяющих видение природы социальной реальности и способов ее изучения. «Поворот» не просто как метафора, а как термин, фиксирующий определенный тип теоретического изменения, означает переход ключевого, дающего название данному повороту, понятия от обозначения определенного класса объектов исследования (предметной области) к аналитической категории. «Говорить о “повороте” можно лишь тогда, когда новый ракурс исследования “переходит” с предметного уровня новых областей исследования на уровень аналитических категорий и концепций, то есть когда он перестает просто фиксировать новые *объекты познания*, но сам становится *средством и медиумом познания*» (Бахман-Медик 2017: 29). В социологии принятому в метаисторической традиции субстантивистскому понятию «локальной цивилизации» была противопоставлена аналитическая концепция «цивилизационного измерения человеческих обществ» (Ш. Эйзенштадт), понимаемого как соединение культурных онтологий с институциональными правилами. Цивилизационный поворот в социологии нашел терминологическое выражение в переименовании исследовательской области «сравнительного изучения цивилизаций» в «цивилизационный анализ».

Социологическая версия цивилизационного анализа разрушила сложившийся в метаисторической традиции сильный интегративистский образ цивилизаций, заменив его «конфигурационным» с контингентными и разнообразными связями между компонентами вне какой-либо априорно заданной координации и иерархии между ними. Важнейшей теоретической предпосылкой социологического цивилизационного подхода стал отказ от любых разновидностей редукционистского детерминизма в соотношении структурно-институциональной и культурной сторон социальной жизни. Если в ортодоксальной социологии культура рассматривалась как зависящая от более фундаментальных социальных сил переменная, а в метаисторической теории локальных цивилизаций — в качестве главного всеопределяющего фактора, то в современной социологической версии цивилизационного анализа за культурой признается автономная роль одного из компонентов социальной реальности, находящегося в соконституирующем взаимопреплетении с другими категориями социальной онтологии. Социологический цивилизационный анализ отказался как от принятого в метаисторическом цивилизационном подходе представления о «культурных кодах» с приписываемой им функцией программирования социальных институтов, отношений, практик, образа жизни, так и от ортодоксального социологического понятия культуры как «норм и ценностей» (наиболее институционализированной части культуры) в пользу расширенной феноменолого-герменевтической концепции культуры как интерпретации мира, представляющей собой единство артикуляции мира и его раскрытия (Arnason 2010b: 68).

Согласно Й. Арнасону, в основании цивилизационных способов артикуляции мира лежат «воображаемые значения» (термин К. Кастроидиса), которые всегда содержат неисчерпаемый избыток смысла. Они не дают окончательных ответов на предельные вопросы человеческого существования, а формируют общую латентную «культурную проблематику», представляющую собой «конstellацию тем, проблем и перспектив, открытую для различных и часто противоречивых интерпретаций» (Арнасон 2017: 63). Цивилизационные паттерны, образуемые особенностями сочетаниями интерпретативных и институциональных рамок, различаются прежде всего своими культурными проблематиками, ключевыми темами и способами вопрошания о мире. Некоторые из множественных артикуляций общей проблематики кристаллизуются в сравнительно устойчивые культурные модели, принимают доминирующий характер и транслируются в особые, но взаимосвязанные институциональные сферы с различными структурами, акторами, стратегиями, ресурсами, видениями, пра-

вилами, достраивая тем самым цивилизационный паттерн. Но культурная кристаллизация происходит всегда в сплетении с властью: не только «власть всегда культурно определена», но и «культурные паттерны поддерживаются властью» (Арнасон 2017: 53). Поскольку культурные предпосылки цивилизаций не задают единую логику своего развертывания и не программируют институциональные порядки обществ, то перед социальными акторами открывается пространство неопределенности, в котором всегда ведется борьба за интерпретацию и за определение социального и политического порядка, т.е. в игру вступает властный фактор. Как подчеркивает С. Аржоманд, политические конфигурации входят неотъемлемой частью в процесс «архитектонического конструирования смысла» (Arjomand 2013: 35).

Власть в цивилизационном анализе понимается предельно широко: от общей преобразовательной способности человеческого действия до полей асимметричных социальных отношений с интеракционистскими дефинициями власти между этими двумя — агентностным и структурным — полюсами семантического континуума. Агентностная интерпретация власти особенно ярко представлена в теории структурации Э. Гидденса, для которого действовать — значит уже осуществлять власть. Структурный аспект власти был весьма обстоятельно разработан в теориях целого ряда выдающихся социологов, таких как М. Фуко, П. Бурдье, М. Манн, Р. Коллинз. Из интеракционистских концепций веберовское определение власти как способности актора определять действия другого даже вопреки сопротивлению является классическим, хотя и недостаточным. Более позднюю вариацию на тему власти как принятия решения в связи с формированием картин мира и социальными отношениями можно найти у П. Кондилиса (Кондилис 2025). Процессо-реляционная концепция социальных фигураций Н. Элиаса до сих пор остается наиболее плодотворной и всеобъемлющей версией теоретизирования власти, способной вместить в себя агентностную и интеракционистскую перспективы, но существенно ограниченной в своей недооценке культурных определений власти.

Выход цивилизационной теории в социологии за пределы функционализма и системного подхода поставил категории культуры и власти в необходимую связь между собой. Осуществленная на рубеже ХХ–ХХI вв. концептуализация культуры и власти как соразмерных и взаимоположенных друг другу онтологических категорий стала важнейшим теоретическим достижением цивилизационного анализа в социологии. Тем самым созданы предпосылки не только для консолидации цивилизационного анализа за рамками противопоставления унитарной и плюралистической

концепций цивилизации, но и для переориентации социологической теории по другую сторону всех видов функционализма, редукционизма и детерминизма.

От концепции цивилизационного измерения к всеохватывающей социальной онтологии

Программное для социологического цивилизационного анализа понятие цивилизационного измерения человеческих обществ Ш. Эйзенштадт сформулировал через выделение двух различных, но взаимосвязанных аспектов: с одной стороны, культурной интерпретации мира («онтологических или космологических видений»), а с другой — определения, структурирования и регулирования «арен» социальной жизни (Eisenstadt 2000: 2). Наиболее лаконичная формулировка цивилизационного измерения встраивает его в тринитарную «базовую социальную онтологию» (Wagner 1994: 20; Arnason 2003: 195–196), подчеркивая «переплетение структурных аспектов социальной жизни с ее регулятивным и интерпретативным контекстом» (Eisenstadt 2000: 1). Но и более развернутое определение цивилизационного измерения, которое акцентирует интерпретативно-институциональную взаимосвязь, содержит выход на социо-структурное измерение социальной жизни через использование термина «арены» (во множественном числе). В отличие от нагруженных функционалистскими коннотациями более привычных терминов «сфера» или «подсистемы» социальной жизни, он отсылает к конфликтному образу общества, образуемого паттернами отношений власти. Последние Н. Элиас всеобъемлющим образом концептуализировал в понятии социальной фигурации, обозначающим сеть отношений взаимозависимости между акторами (Elias 1978: 131). Данное понятие относится к меняющемуся балансу власти в социальных отношениях любого уровня — от взаимодействия отдельных лиц до глобальных сетей. Как воплощение реляционной концепции власти понятие фигурации снимает противоположность между индивидом и обществом как самостоятельными онтологическими сущностями, упраздняя саму дихотомию агентности и социальной структуры с метатеоретической позиции обоюдного конститутивизма. Всеохватывающий масштаб понятия фигурации раскрывается по отношению не только к социоструктурному измерению социальной жизни, включаяющему в качестве своего неотъемлемого конститутивного аспекта агентность и не ограничивающегося фокусом на отдельных властных структурах — в отличие от Эйзенштадта, который уделял основное внимание анализу коалиций и конфронтаций различного типа элит, но при этом игнорировал многие «структурные данности» (Йоас, Кнёбль 2011: 475–476).

Всеобъемлющий характер понятия фигурации относится к социальной жизни в целом, во всей совокупности ее проявлений, компонентов, измерений и доменов. «Такие понятия, как структура или функция, роль или организация, экономика или культура, — писал Н. Элиас, — часто не дают понять, что они относятся к конкретным фигурациям людей» (Elias 1978: 131). Если в концептуальной схеме Эйзенштадта центральное место отводилось культуре и ее «аналитической автономии», а «общий вопрос о власти как конститутивном компоненте цивилизаций» так и не был им надлежащим образом поставлен (Arnason 2015: 151), то в фигурационной социологии Элиаса категория власти приобрела унифицирующее значение, придав в конечном счете всей его процессо-реляционной теории цивилизации отчетливо выраженные редукционистский, функционалистский и эволюционистский уклоны, против которых в социологической теории сам он изначально боролся. Тем самым исследовательская программа цивилизационного анализа, тематизирующая отношения между культурой и властью в качестве своей ключевой проблематики, нуждается в равной степени как в культуроориентированном понятии цивилизационного измерения Эйзенштадта, так и во властецентричном понятии социальной фигурации Элиаса, при условии строгого аналитического различия трех общих измерений социальной жизни: интерпретативного, институционального и социоструктурного — во избежание неоправданного одностороннего детерминизма и редукционизма того или иного толка.

Институциональной стороне цивилизационного измерения более пристальное внимание уделил Й. Арнасон. Опираясь на идею множественных «порядков жизненных отношений» М. Вебера (Вебер 2006), он разработал модель сфер социальной жизни как «миропорядков», углубляя понимание способов перехода культуры в институциональные формы. В этой модели три конвенционально выделяемые основные сферы социальной жизни — экономика, политика и культура — выступают доменами онтологических категорий богатства, власти и смысла соответственно. Данные категории представляют собой «особые способы присвоения, переживания и интерпретации мира», а также взаимосвязанные, но в некоторой степени «альтернативные фокусы институционального строительства», которые характеризуют разные цивилизационные паттерны (Arnason 2003: 198–199). Арнасон подчеркивает несводимость друг к другу категорий на уровне элементарных различий и в то же время их взаимо-переплетение при конституировании более сложных форм в экономической, политической и культурной сферах социальной жизни. Таким образом, данная модель сочетает в себе метатеоретические позиции аналитической автономии и взаимного конституирования. При этом

культура в ней предстает одновременно и как общее измерение, и как особая сфера социальной жизни. Иначе говоря, в отношении категории смысла проводится различие между артикуляциями, конституирующими собственно культурную сферу (область религиозных, философских, научных, эстетических способов интерпретации), и более скрытыми культурными ориентациями, которые соконституируют формы богатства и власти. В этой двойственности заключается, по словам Арнасона, «парадокс культуры», который должен быть не упразднен, а раскрыт (Arnason 2010b: 70).

От тринитарной к четырехкатегориальной социальной онтологии

Итак, базовая социальная онтология, которой придерживается цивилизационный анализ, различает в социальной жизни, с одной стороны, три общих измерения: социоструктурное, институциональное, интерпретативное, — а с другой — три особые сферы: экономику, политику и культуру, выступающие соответственно доменами категорий богатства, власти и смысла. В данном случае цивилизационный анализ следует устойчивой тенденции постпарсонсианской социологической теории отдавать явное предпочтение трехчастным концептуальным схемам социальной онтологии (при различиях в терминологии) над четырехсторонними (Arnason 2020: 14). Впрочем, делает он это, не настаивая на исчерпывающем разделении социальной жизни на три измерения или области и не пытаясь придать ему систематический характер. Тем не менее в развитие предложенной метатеоретической концептуальной схемы социальной онтологии могут быть предприняты дальнейшие шаги по связыванию между собой измерений и сфер социальной жизни.

Из сформулированного Арнасоном парадокса культуры следует, что категория смысла является связующим звеном между аналитическим интерпретативным измерением социальной реальности и особой сферой культуры. Но нельзя ли то же самое предположить и относительно двух других категорий? Из принципа соконституирования сфер социальной жизни логически следует, что каждая доменная для соответствующей сферы категория является в то же время и общим измерением, поскольку она присутствует в той или иной степени и форме и в других сферах, т.е. повсеместно в социальной жизни. Так, всепроникающее влияние власти в социальной жизни подчеркивал Э. Гидденс (Гидденс 2005: 77). И действительно, с опорой на понятие социальной фигурации Н. Элиаса довольно легко реконструируется связь политической сферы и социоструктурного измерения через категорию власти. Однако связь между

институциональным измерением и экономической сферой через общую категорию не кажется очевидной. Институционально-регулятивное измерение раскрывается через являющиеся неотъемлемым компонентом каждой сферы общественной жизни социальные нормы в широком смысле, базовые правила и определяющие конвенции, в то время как для сферы экономики доменной выступает категория богатства. Логические несоответствия тринитарной схемы соотношения общих измерений и особых сфер социальной жизни представлены в таблице 2.

Таблица 2
Логическое несоответствие тринитарной схемы социальной онтологии

Общие измерения социальной жизни	Особые сферы социальной жизни		
	Культура	Экономика	Политика
Интерпретативное	Смысл		
Институциональное		Богатство Норма	
Социоструктурное			Власть

Также весьма нетрудно представить категорию богатства, которая не сводится исключительно к материальным благам, как универсальное измерение социальной жизни, например через понятие ресурсов (как у Н. Элиаса) или капитала (как у П. Бурдье), которые могут быть самого разного вида. Однако здесь категория богатства сталкивается с препятствием со стороны категории власти, характеризуемой с точки зрения своих различных средств или ресурсов, к которым сводятся все факторы и аспекты социальной жизни. Так, в фигурационной социологии Элиаса сети власти основаны на контроле и зависимости от различных комбинаций множественных ресурсов: экономических, военных, организационных, когнитивных (Arnason 1987: 433). Два ключевых момента в распространенных концептуализациях власти — подчеркивание ее универсального, всеохватывающего значения в социальной жизни и фокус анализа не столько на «власти как таковой», сколько на «проводниках» и «модальностях», через которые она осуществляется — наилучшим образом передает термин М. Манна «источники социальной власти». Согласно Э. Гидденсу, который определенно испытал влияние Элиаса, понятие ресурсов является фундаментальным в концептуализации власти, но при этом сама власть не является ресурсом; ресурсы — «это средства, с помощью которых осуществляется власть» (Гидденс 2005: 74, 57). Проведенное английским социологом аналитическое отделение власти от ресурсов чрезвычайно важно, но само по себе недостаточно, поскольку отношения между этими

двуумя понятиями могут интерпретироваться по-разному. С одной стороны, оно все еще не гарантирует от редукционистской «ресурсной» трактовки власти, а, в конечном счете, от экономического детерминизма (в склонности к которому критики упрекали П. Бурдье). С другой стороны, определение и понимание конститутивной роли ресурсов в социальной жизни может ограничиваться их помещением во всеохватывающую концептуальную рамку власти, как это и произошло в случае Гидденса.

Гидденс изначальную дуальную схему, включающую «правила» и «ресурсы» в качестве центральных понятий теории структурации, развернул в тринитарную за счет аналитического разделения двух аспектов правил — способов означения, или конституирования смысла, и нормативных санкций. В результате он пришел к аналитическому различию трех измерений дуальности структуры, которые со стороны структурных свойств социальных систем предстают как сигнификация, легитимация и господство, а со стороны взаимодействия — как коммуникация (передача знаков), санкция (применение нормативных санкций) и власть (образовательная способность акторов). Соотносятся между собой «структурная» и «интерактивная» стороны «дуальности» в рамках каждого из аналитических измерений через соответствующие «модальности»: сигнификация с коммуникацией — через интерпретативную схему; легитимация с санкцией — через норму; господство с властью — через ресурс (Гидденс 2005: 75). Схема из трех аналитических структурных измерений дополняется классификацией четырех институциональных порядков, включающей: символические порядки (способы дискурса), политические институты, экономические институты и правовые институты. Гидденс подвергает критике так называемые субстантивистские концепции социальных институтов, основанные на представлении о конкретной автономии дифференцированных друг от друга институциональных сфер. Выделенные институциональные порядки он рассматривает как конституируемые различными сочетаниями структур сигнификации, легитимации и господства. Для каждого институционального порядка ведущим оказывается определенное структурное измерение: для символических порядков — это сигнификация, для правовых институтов — легитимация, для экономики и политики — господство (Гидденс 2005: 80).

Как и в случае понятия правил, Гидденс различает два типа ресурсов: авторитативные (способность осуществлять контроль над другими людьми, или полномочия) и аллокативные (способность распоряжаться материальными объектами). Но в отличие от «правил», это не приводит его к выделению, наряду с господством, дополнительного аналитического измерения, соотносимого с аллокативными ресурсами. Проводимое

Гидденсом различение авторитативных и аллокативных ресурсов служит разделению политических и экономических институтов, но внутри структурного измерения «господство», т.е. всецело в рамках категории власти. Таким образом, Гидденс склонен в духе исторического материализма скорее придерживаться представления о единой, хотя и бимодальной политico-экономической структуре господства, чем подчеркивать отличительные паттерны политической и экономической сфер, выделяя наряду с властью отдельную категорию богатства.

Ш. Эйзенштадт выделил производство и распределение ресурсов в качестве одного из основных конституирующих компонентов любого общества, наряду с практиками артикуляции смысла, осуществления власти и конструирования коллективных идентичностей (Eisenstadt 2000: 1; Eisenstadt 2003: 75). Хотя он имел ввиду прежде всего аллокативные (или так называемые материальные) ресурсы, понятие ресурсов вполне допускает расширительную трактовку, сохраняя в то же время непосредственную референцию со сферой экономики. Таким образом, категории богатства может быть сопоставлено четвертое общее измерение — «ресурсное». Как отметил Арнасон, категории богатства, власти и смысла «становятся ресурсами друг для друга» за пределами своих доменов при конституировании каждой из сфер социальной жизни (Arnason 2020: 15). При этом доменное для определенной сферы значение соответствующей категории может затемняться теми особыми формами, которые принимают в данной сфере другие категории помимо их основных доменов. Институциональное строительство каждой из особых сфер требует сочетания ресурсов самого разного рода: символических (включая когнитивные), материальных (от средств производства до средств насилия), организационных.

Ресурсное измерение несводимо к другим измерениям и в то же время неразрывно связано с ними. Традиционно в экономических теориях и экономико-центристских подходах подчеркивается ограниченность, дефицит ресурсов. Но вместе с тем условием возникновения проблемы распределения ресурсов является наличие их излишка, появление так называемых свободных ресурсов — материальных средств и услуг, не связанных с обязательным распределением в первичных аскриптивных группах. Эти ресурсы обмениваются и становятся объектами борьбы за установление контроля над ними, сами выступая, в свою очередь, ресурсами в борьбе за власть между различными социальными акторами. С точки зрения цивилизационного анализа направления использования и способы распределения свободных ресурсов не предопределены функциональными требованиями социальных систем. Появление свободных

ресурсов усиливает фундаментальную неопределенность социальной жизни и ставит акторов перед необходимостью выбора, определения направлений, целей и способов их использования. Это предполагает выработку и осуществление определенных институциональных проектов и стратегий мобилизации свободных ресурсов. Как показал Эйзенштадт в классическом исследовании исторических бюрократических империй, формирование таких проектов и стратегий происходит под влиянием символических ориентаций, имеющих прежде всего религиозное происхождение (Eisenstadt 1963). Таким образом ресурсное измерение социальной жизни связывается с социоструктурным, институциональным и интерпретативным измерениями.

Если же подойти к поиску связующей категории со стороны институционального измерения и попытаться определить соответствующую ему сферу социальной жизни, то окажется, что из трех выделенных основных сфер ни одна ему не подходит. Однако можно найти, особенно имея ввиду пример Э. Гидденса, такую сферу за пределами данного перечня. И этой сферой будет право, которое в рамках вышеприведенной тринитарной концептуальной схемы попадало в сферу политики и тем самым разворялось в категории власти. Но если право выделяется в особую сферу, тогда для него необходимо найти самостоятельную доменную категорию, которая связывала бы сферу права с институциональным измерением социальной реальности. В качестве такой категории может быть предложено понятие социальной нормы, или закона. Понятие закона в данном контексте берется в очень широком смысле нормативной регуляции социальной жизни, несводимой к законодательной деятельности государства и включающей отсылки к божественному, естественному и обычному праву, а также нормам морали, широким общественным конвенциям и правилам поведения.

Таким образом, тринитарная по вертикали («измерениям») и по горизонтали («сферам») концептуальная схема социальной онтологии преобразуется в четырехчастную модель по обеим осям, в которой категории смысла, нормы (закона), власти и богатства выступают связующими звеньями между интерпретативным, институциональным, социоструктурным, ресурсным измерениями и сферами культуры, права, политики, экономики соответственно (табл. 3).

Следующим шагом концептуального анализа может стать центрирование разрабатываемой модели социальной онтологии путем смещения фокуса непосредственно на четыре онтологические категории, раскрывающие и проявляющие себя в социальной жизни одновременно и как ее общие измерения, и как ее особые сферы. Отношения между этими базо-

Таблица 3

Четырехкатегориальная схема соотношения общих измерений и особых сфер социальной жизни

Общие измерения социальной жизни	Особые сферы социальной жизни			
	Культура	Право	Политика	Экономика
Интерпретативное	Смысл			
Институциональное		Норма		
Социоструктурное			Власть	
Ресурсное				Богатство

выми категориями смысла, нормы, власти и богатства характеризуются, с одной стороны, аналитической автономией на уровне элементарных различий (которые могут быть представлены как модусы человеческой агентности: креативность, нормативность, преобразовательность и продуктивность соответственно), а с другой — взаимным конституированием на уровне более сложных явлений в каждой из сфер социальной жизни. Разнообразные соединения интерпретативного и институционального измерений образуют цивилизационные паттерны, а сочетания социоструктурного и ресурсного измерений — социальные фигурации. Таким образом, в сводной схеме социальной онтологии (табл. 4) интегративная социологическая парадигма цивилизационного анализа фокусируется на взаимопереплетении цивилизационных паттернов и социальных фигураций. В пространственно-временном отношении цивилизационные паттерны предстают как цивилизационные комплексы (охватывающие множественные существующие или последовательные социетальные образования — «семейства обществ», по выражению Э. Дюркгейма

Таблица 4

Сводная четырехкатегориальная схема социальной онтологии

Категории социальной онтологии	Модусы человеческой агентности	Особые сферы социальной жизни	Общие измерения социальной реальности	Аналитические типы социоисторических конфигураций
Смысл	Креативность	Культура	Интерпретативное	Цивилизационные паттерны/комплексы
Закон	Нормативность	Право	Институциональное	
Богатство	Продуктивность	Экономика	Ресурсное	Социальные фигурации
Власть	Преобразовательность	Политика	Социоструктурное	

и М. Мосса), которые в случае своей тесной взаимосвязи благодаря общим источникам происхождения или интенсивным взаимообменам составляют цивилизационные констелляции (Arnason 2010a: 179). В самом общем смысле (не выделяя специально культурно-институциональный или пространственно-временный аспект) можно говорить о цивилизационных конфигурациях, или формациях, как особом аналитическом типе социоисторических конфигураций/формаций, наряду с социальными фигурациями. Цивилизационные паттерны различаются своими способами артикуляции и организации отношения между сферами экономики, политики, культуры и права, а также масштабом и направлением автономного развития, допускаемого для каждой из них.

Заключение

Разработанная на основе синтезирования, развития и дополнения ключевых идей второго поколения ведущих теоретиков социологической версии цивилизационного анализа Ш. Эйзенштадта, Н. Элиаса и Й. Арнасона четырехкатегориальная базовая социальная онтология является антифункционалистской, антисистемной, антиредукционистской, антидетерминистской, антиэволюционистской, антинормативистской и, как следствие, носит парадоксальный характер. В основании как логически исходной концепции цивилизационного измерения, так и вырастающей из нее всеохватывающей социальной онтологии лежит парадокс культуры в том или ином виде. Встроенный в аналитическую концепцию цивилизационного измерения социальной жизни парадокс культуры заключается в том, что культура оказывается одновременно и меньше, и больше цивилизации. Меньше — потому что культурные онтологии являются лишь одним из двух аспектов цивилизационного измерения, включающего также институциональные правила. Больше — вследствие ее метасоциального измерения: культурные онтологии разграничивают домен человеческого/социального в рамках более широкого видения реальности. В модели соконституирования сфер социальной жизни Й. Арнасона культура предстает парадоксальным образом одновременно и как общее измерение, и как особая сфера социальной жизни. Сформулированный им парадокс культуры подчеркивает исключительность онтологического статуса культуры по сравнению с другими категориями социальной жизни. Однако, как показал проведенный метатеоретический анализ, парадокс «общее измерение / особенный домен» может быть распространен также на категории власти, богатства и закона. Парадокс культуры является модельным для всех категорий социальной онтологии. Парадоксально также сочетание принципов аналитической автономии

и взаимного конституирования в понимании отношения между категориями культуры и власти. И опять-таки парадокс автономизма/конститутивизма распространяется на взаимоотношения всех категорий социальной онтологии. Таким образом, парадоксальность является всеобщей характеристикой социальной онтологии, построенной на концептуальной основе социологической версии цивилизационного анализа.

Литература / References

- Арнасон Й. (2012) Понимание цивилизационной динамики: вводные замечания. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 15(6): 18–29.
- Arnason J.P. (2012) Making sense of civilizational dynamics: introductory remarks. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 15(6): 18–29 (in Russian).
- Арнасон Й. (2017) Революции, трансформации, цивилизации: прологемы к переориентации парадигмы. *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, 5: 37–69.
- Arnason J.P. (2017) Revolutions, transformations, civilizations: prolegomena to a paradigm reorientation. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kulture* [NZ], 5: 37–69 (in Russian).
- Бахман-Медик Д. (2017) *Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре*. М.: Новое литературное обозрение.
- Bachmann-Medick D. (2017) *Cultural turns: New Orientations in the Study of Culture*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (in Russian).
- Валлерстайн И. (2003) Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.: Логос.
- Wallerstein I. (2003) *The End of the World as We Know It: Social Sciences for the Twenty-First Century*. Moscow: Logos (in Russian).
- Вебер М. (2006) Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира. Вебер М. *Избранное. Протестантская этика и дух капитализма*. 2-е изд., доп. и испр. М.: РОССПЭН: 241–268.
- Weber M. (2006) Theory of Stages and Directions of Religious Rejection of the World. In: Weber M. *Selected Works: The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Moscow: ROSSPEN: 241–268 (in Russian).
- Гидденс Э. (2005) *Устроение общества: Очерк теории структурации*. 2-е изд. М.: Академический проект.
- Giddens A. (2005) *The constitution of society: Outline of the theory of structuration*. Moscow: Akademicheskiy proekt (in Russian).
- Йоас Х., Кнёбл В. (2011) *Социальная теория. Двадцать вводных лекций*. СПб.: Алетейя.
- Joas H., Knöbl W. (2011) *Social Theory: Twenty Introductory Lectures*. St. Petersburg: Aleteyia (in Russian).

- Кондилис П. (2025) *Власть и решение*. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Kondylis P. (2025) *Power and Decision*. Moscow: Ad Marginem Press (in Russian).
- Мелко М. (2001[1995]) Природа цивилизаций. Розов Н.С. (ред.) *Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории*. Новосибирск: Сибирский хронограф: 306–327.
- Melko M. (2001[1995]) The nature of civilizations. In: Rozov N.S. (ed.) *The World Time. The Almanac. Issue 2: The Structures of History*. Novosibirsk: Sibirsky Chronograph: 306–327 (in Russian).
- Arjomand S.A. (2010) Three Generations of Comparative Sociologies. *European Journal of Sociology*, 51(3): 363–399.
- Arjomand S.A. (2013) Multiple Modernities and the Promise of Comparative Sociology. In: Arjomand S.A., Reis E. (eds.) *Worlds of Difference*. New York: Sage: 15–39.
- Arnason J.P. (1987) Figurational Sociology as a Counter-Paradigm. *Theory, Culture, Society*, 4(2–3): 429–456.
- Arnason J.P. (2001a) Civilizational Analysis, History of. In: Smelser N.J. (ed.) *Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. L.: Elsevier: 1909–1915.
- Arnason J.P. (2001b) Civilizational Patterns and Civilizing Processes. *International Sociology*, 16(3): 387–405.
- Arnason J.P. (2003) *Civilizations in Dispute: Historical Questions and Theoretical Traditions*. Leiden; Boston: Brill.
- Arnason J.P. (2010a) Interpreting History and Understanding Civilizations. In: Joas H., Klein B. (eds.) *The Benefit of Broad Horizons: Intellectual and Institutional Preconditions for a Global Social Science: Festschrift for Bjorn Wittrock on the Occasion of his 65th Birthday*. Leiden; Boston: Brill: 167–184.
- Arnason J.P. (2010b) The Cultural Turn and the Civilizational Approach. *European Journal of Social Theory*, 13(1): 67–82.
- Arnason J.P. (2015) Elias and Eisenstadt: The Multiple Meanings of Civilisation. *Social Imaginaries*, 1(2): 146–176.
- Arnason J.P. (2020) *The Labyrinth of Modernity: Horizons, Pathways and Mutations*. London: Rowman and Littlefield.
- Eisenstadt S.N. (1963) *The Political Systems of Empires*. New York: The Free Press.
- Eisenstadt S.N. (2000) The Civilizational Dimension in Sociological Analysis. *Thesis Eleven*, 62(1): 1–21.
- Eisenstadt S.N. (2001) The Civilizational Dimension of Modernity: Modernity as a Distinct Civilization. *International Sociology*, 16(3): 320–340.
- Eisenstadt S.N. (2003) The Construction of Collective Identities and the Continual Reconstruction of Primordiality and Sacrality — Some Analytical and Comparative Indications. In: *Comparative Civilizations and Multiple Modernities: A Collection of Essays: in 2 vols.* Vol. 1. Leiden; Boston: Brill: 75–134.
- Elias N. (1978) *What is Sociology?* New York: Columbia University Press.

Elias N. (1987) The Retreat of Sociologists into the Present. *Theory, Culture and Society*, 4(2–3): 223–247.

Sorokin P.A. (1966) *Sociological Theories of Today*. New York: Harper & Row.

Wagner P. (1994) *A Sociology of Modernity: Liberty and Discipline*. London: Routledge.

TRANSFORMATION OF SOCIAL ONTOLOGY IN CONTEMPORARY CIVILIZATIONAL ANALYSIS

Ruslan G. Braslavskiy (r.braslavsky@socinst.ru)

Sociological Institute of the RAS – Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia

Citation: Braslavskiy R.G. (2025) Transformation of social ontology in contemporary civilizational analysis. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 28(4): 18–37 (in Russian).

<https://doi.org/10.31119/jssa.2025.28.4.2> EDN: JBAI0Z

Abstract. The correlation of two competing research traditions in the multidisciplinary field of civilizational analysis is reconstructed: the metahistorical and the sociological. In each of them, there are groups of theories based on both a unitary and a pluralistic concept of civilization. In the middle of the 20th century, the metahistorical paradigm of civilizational analysis, better known as the theory of local civilizations, crystallized and took a dominant position. The conceptual limitations of the metahistorical paradigm have prevented the full-fledged institutionalization of the research field of comparative study of civilizations into an autonomy scientific discipline. The civilizational turn in sociology in the 1970s led to a break with the metahistorical civilizational paradigm at the level of fundamental metatheoretical premises. In contrast to the traditional substantialist view of local civilizations as empirically predetermined objects of research, the contemporary sociological paradigm of civilizational analysis bases social ontology on a paradoxical combination of the principles of analytical autonomy and mutual constitution in relation to fundamental categories, common dimensions and special spheres of social life. As a result of the metatheoretical analysis of the civilizational approach in sociology, a trinitarian conceptual scheme of social ontology has been constructed and its logical inconsistencies have been identified. To overcome them, a new four-categorical conceptual scheme of social ontology has been developed. The conceptualization of culture and power as commensurate and mutually dependent ontological categories implemented at the turn of the 20th–21st centuries in the sociological version of civilizational analysis laid the foundation not only for consolidating civilizational analysis beyond the opposition of unitary and pluralistic concepts of civilization, but also for reorienting sociological theory beyond all types of functionalism, reductionism and determinism.

Keywords: civilizational analysis, sociological theory, social ontology, analytical autonomy, mutual constitution, culture, power, wealth, law.